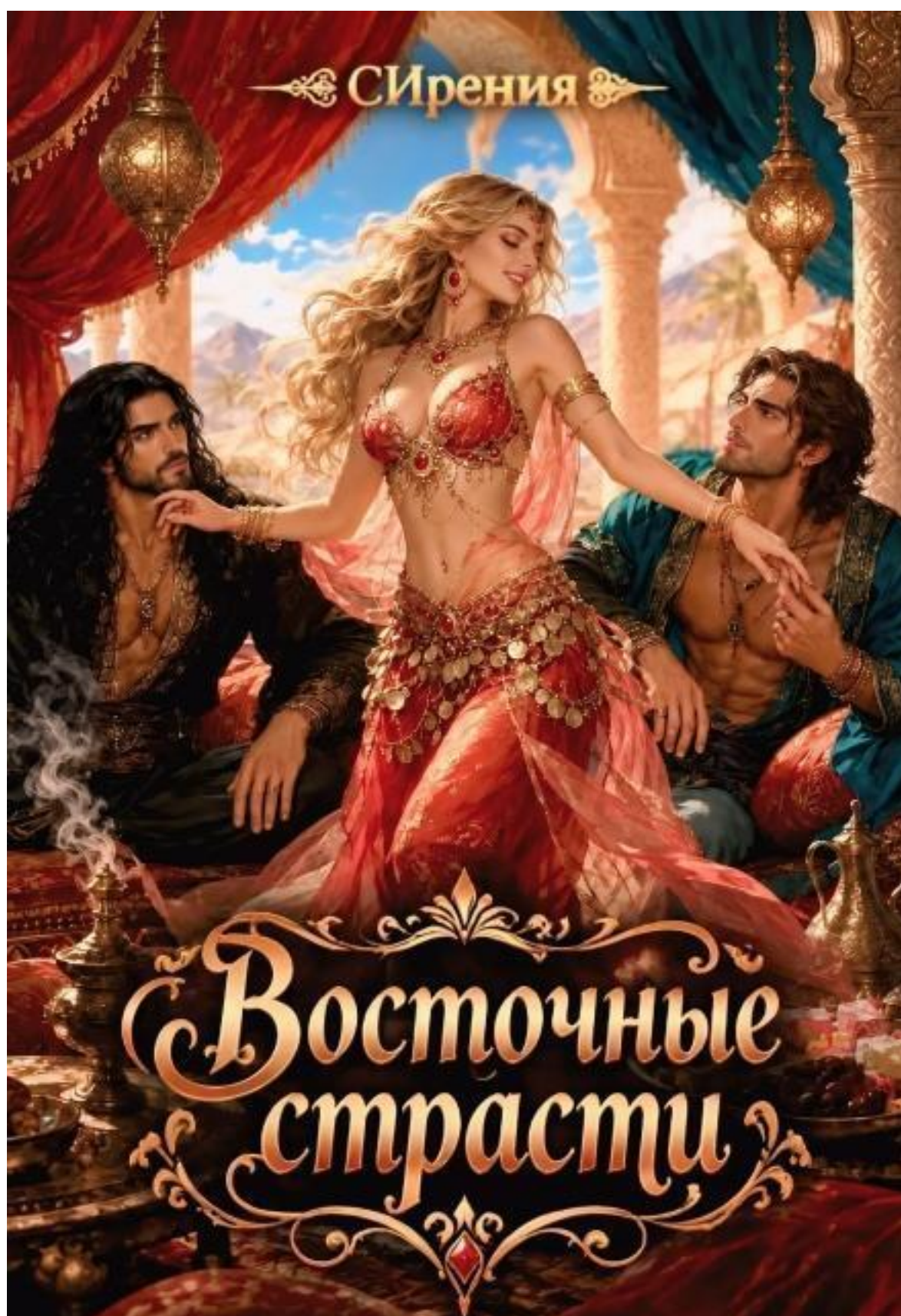

Сирения

Восточные
страсти

СИрения –
Восточные страсти

«Литнет»

2026

– С.

Восточные страсти / С. – — «Литнет», 2026

Она очнулась на невольничьем рынке Востока — вместо лаборатории вокруг крики, масло и чужие руки. Её купил правитель с древней магией, которая постепенно покидала его. Но за ней пришёл другой — тот, кого пустыня зовёт своим. Два брата, две силы, одно проклятие, которое столетиями жгло их кровь. И женщина, чей странный дар оказался ключом. Между дворцовыми купальнями и песчаными шатрами, между ревностью и медленным притяжением разворачивается история, где власть требует подчинения, а страсть — выбора. Только вот выбрать одного значит обречь обоих. А остаться между ними — значит изменить саму судьбу двух родов.

© – С., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Глава 1

Марина

Лавку эту я нашла случайно, несколько недель назад. Она расположилась между химчисткой и точкой, где чинят молнии. Узкая дверь без вывески и колокольчик, звякающий, когда кто-то открывал дверь. Старик-хозяин, узнал меня по прежним заказам и вынес из подсобки отрез - темно-гранатовый, с золотой нитью по краю.

- Османская работа, - сказал он, глядя куда-то мимо меня. - Или похожая на нее. Вам для диссертации, да?

Для диссертации. Ну да. Полгода я разбирала списки утраченных тканей девятнадцатого века для музея. Я провела пальцем по золотой нити, там, где узор сворачивался в подобие глаза без век. Ни один каталог девятнадцатого века мне такого узора не показывал. Старик что-то сказал, я не расслышала что, и хотела переспросить, но слова застряли, потому что пальцы вдруг стало жечь. Лавка отъехала от меня в сторону вместе с полками, треснутым колокольчиком и стариком. В глазах остался только гранатовый цвет, заливший вообще все.

Очнулась я от того, что кто-то больно дернул меня за щиколотку. Я хотела крикнуть, но рот забился какой-то тканью. Это было первое, что я поняла. Второе – что я привязана к столбу. Земля подо мной оказалась дощатой. Надо мной - желтая ткань навеса. А еще услышала многоголосье людей, кричащих на языке, в котором я не узнавала ни одного понятного корня, - хотя училась на лингвистическом и три диплома написала про смежные диалекты.

Рядом, привязанные к тому же столбу, сидели еще двое - мужчина с бородой, заплетенной в косички, и девочка лет пятнадцати. Веревки, которыми были скручены мои запястья, имели внутри металлическую нить, - стоило повернуть руку, как они впивались в кожу тонкой красной полосой.

Подшли два мужчины и отстегнули всех от столба. Подняли меня за локти, и повели через толпу к деревянному настилу. Что-то среднее между сценой и эшафотом. По дороге я успела рассмотреть ряды прилавков вдоль площади - горы специй, свернутые пирамидой, каждая своего цвета, от ржавого до почти черного, клетки с птицами, из которых торчали хвосты длиннее самих птиц, отрезки шелка, развешанные вдоль столбов. Мужчина, стоявший у рядов, с косичками в бороде вдруг зашептал что-то под нос, и я не сразу поняла, что это молитва. Ковровщик у ближайшего прилавка на секунду поднял голову от товара, посмотрел на нашу вереницу без всякого выражения, и снова опустил взгляд к своим тюкам.

Готовили нас в тени, за настилом. Женщина с седыми косами, обмотанными медной проволокой, стянула с меня остатки одежды одним движением, будто снимала кожуру, облила водой из глиняного кувшина, а после начала втирать масло. Руки у нее ощупывали меня так, как ощупывают ткань. Приподняла грудь ладонью, оценивая вес, провела по ребрам, будто пересчитывала их, и сказала кому-то за спиной короткую фразу. Я разобрала только слово «худая», сказанное с досадой.

И вот тут случилось то, чего я не ждала совсем: масло - темное, с пряным ароматом, коснулось кожи под ключицей, и по телу пошло тепло. Соски затвердели, дыхание сбилось, между ног предательски загорелось. Я не понимала, что происходит, когда женщина замерла с ладонью на моем боку и позвала кого-то резким окриком.

Прибежал мужчина в тюрбане цвета индиго, наклонился и провел пальцем по тому самому месту под ключицей, откуда пошел жар. От его прикосновения меня повело.

- Больно? - спросила женщина. Удивительно, но я поняла ее.

Я помотала головой. В ее взгляде мелькнула жалость, которую она тут же спрятала обратно, вернувшись к маслу и своей работе.

- Знак проступает, - сказал мужчина в тюбране. Еще несколько минут назад я не могла разобрать здешнюю речь, а теперь понимала каждое слово. - Зовите распорядителя.

Солнце к тому времени поднялось выше, стало жарко. Толпа под настилом гудела, покупатели торговались за женщину - молодую и спокойную. Цену выкрикнули трижды, распорядитель ударил в маленький медный гонг, и ее увели с помоста. Пришла моя очередь. Распорядитель держал меня за подбородок и поворачивал мое лицо то влево, то вправо, показывая товар со всех сторон. Ткань, которой меня обмотали, тонкая, почти прозрачная, льнула к телу там, где масло еще не высохло. Толпа вдруг качнулась в сторону, расступаясь перед кем-то. Распорядитель что-то крикнул, испуганно, и толпа затихла.

Это оказался мужчина. Он остановился в трех шагах от помоста. Лица я не разглядела, солнце било мне в глаза. Но под ключицей, тепло стало почти нестерпимым, будто под кожей зажгли пламя, и от этого жара по телу прошла волна, от которой перехватило горло. И совсем не от страха.

- Сколько? - спросил он.

Глава 2

Кассим

Библиотекарь разбудил меня среди ночи. Это само по себе было поводом для казни, если бы не тридцать лет его безупречной службы моему отцу и мне. Он держал в руках свиток такой ветхости, что страницы крошились у него между пальцами. Его голос дрожал от страха передо мной.

- Знак объявится на рынке, - сказал он. - Сегодня. На женщине, которую привезли с торговых караванов запада. Свиток называет ее «дочерью другого неба».

Я слышал это словосочетание всю жизнь, с тех пор как отец впервые водил меня по закрытому крылу библиотеки. Пророчество о спасении рода звучало красиво в сказках и совершенно иначе - когда собственная магия начала утекать сквозь пальцы, будто песок. Три месяца назад я не мог зажечь свечу без слуг. А еще совсем недавно мог остановить бурю над городом одним словом.

На рынок я приехал без свиты, насколько это вообще возможно для человека, чье лицо знает каждый. Двое стражников держались позади на расстоянии, достаточном, чтобы в случае опасности дать отпор. Сегодня рынок раздражал. Каждый выкрик торговцев казался помехой между мной и той единственной информацией, ради которой я сюда явился.

Работорговец, толстый, с пальцами, унижанными кольцами, попытался перехватить меня у входа с рассказом о новой партии мастеров-ткачей с юга. Я прошел мимо, не удостоив его ответом. Ткачи меня не интересовали.

Ряды прилавков в это утро ломались от товара, который в любой другой день заставил бы меня задержаться хотя бы из вежливости. Торговцы узнавали меня и кланялись так низко, что чуть не опрокидывали собственный товар, но я даже не замедлил шаг. Все это внезапно перестало иметь значение. Чем ближе я подходил к помосту, тем меньше меня интересовало происходящее вокруг.

Я не сразу понял, что это она. Распорядитель повернул девушку, и я увидел то, ради чего библиотекарь разбудил меня среди ночи: крошечную звезду света под ее ключицей. Знак. Настоящий, не нарисованный, не вытатуированный шарлатанами, которые время от времени пытались продать мне подделки за половину казны.

Я шел к помосту и на середине пути поймал себя на том, что иду быстрее, чем позволяет себе идти человек моего положения. Заставил себя сбавить шаг, хотя внутри все дрожало от нетерпения. Я разглядел ее ближе: золотистые волосы, кожа светлее местной, но не той бледности, которую я видел у северянок, - какой-то другой оттенок, незнакомый, глаза, цвета бирюзы...

Знак на ее коже разгорался. Я видел, как он реагирует на мое присутствие - чем ближе я подходил, тем ярче становилась мерцающая точка под ее ключицей. Мне полагалось поиметь ее, ради снятия проклятия. Ради того, чтобы сила перестала уходить из меня по капле каждую ночь. Но я хотел прикоснуться к ней просто потому, что хотел - без всякого пророчества, без всякого расчета.

- Сколько? - спросил я.

Распорядитель дернулся, и забормотал что-то про особую партию, про то, что эту рабыню только сегодня утром отложили отдельно по приказу распорядителя банщиц, про какую-то небывалую цену, которую он якобы уже обещал другому покупателю.

- Сколько, - остановил я его словоблудие.

Я не торговался, мне, султану, имевшему горы золота, это было без надобности. Пока стражники отсчитывали монеты, я стоял и смотрел на нее, а она смотрела на меня не опуская глаз, хотя это было недопустимо от рабыни. В этом взгляде читался не вызов, а растерянность.

Когда ее свели с помоста и подвели ко мне, я против воли протянул руку к запястью, туда, где веревка успела оставить красный след. В тот момент, когда мои пальцы коснулись ее кожи, знак под ее ключицей вспыхнул так ярко, что по толпе вокруг помоста прокатился ропот. Я почувствовал ожог не только на пальцах - где-то глубже, там, где последние месяцы жила только пустота на месте магии. От неожиданности я отдернул руку, как от огня. Она тоже вздрогнула.

- Как тебя зовут, - спросил я

Она назвала имя, которое я прежде никогда не слышал, не читал ни в одном свитке, ни в одном пророчестве, и которое почему-то отпечталось во мне сразу и навсегда, будто было знакомо мне еще до того, как я его услышал.

- Марина.

Я вел ее к паланкину через расступающуюся толпу, чувствуя ее ладонь в своей руке, и думал о том, спасет ли она мой род.

Глава 3

Марина

Паланкин остановился плавно. Занавесь откинули снаружи, и вместо солнца, меня встретила тень - высокие стены, арка за аркой, и в самом конце дверь, обшитая медью. Кассим вышел первым и подал мне руку - без его помощи я бы просто ссыпалась с подушек на землю. Он держал меня за локоть, почти отстраненно, но я все равно чувствовала это прикосновение.

- Твои покои, - сказал он, кивнув на дверь. - Зейна тебе все объяснит.

Кассим развернулся и ушел, оставив меня у медной двери. Ко мне подбежала девушка. Это и оказалась Зейна. Она выглядела моей ровесницей - может быть, младше на год-два. Было понятно, что она прожила в этом месте всю свою жизнь.

- Ты не первая, - произнесла она, едва за нами закрылась дверь. - И не последняя.

Комната оказалась просторной, с низкой мебелью, резными ширмами, за которыми угадывалась купальня, и одним окном во всю стену, забранное деревянной решеткой тонкой работы. Через нее проходил свет, но ни один прохожий снаружи не мог разглядеть, что происходит внутри.

Зейна принялась развязывать веревки на моих запястьях. Когда металлическая нить наконец соскользнула, я невольно зашипела: под ней открылась красная полоса.

- Мазь принесу, - сказала Зейна деловито. - А ты пока Расскажи мне, что тебе говорил господин. Почему он поехал за тобой сам?

- Я не знаю, - пожала я плечами. - Что-то про знак. Про пророчество. Я половину слов не поняла. Кто такой ваш господин?

Зейна замерла и посмотрела на меня так, как смотрят на человека, у которого не все дома.

- Его называют по-разному, - произнесла она. - Кто «повелителем», кто «султаном», а между собой, где он не слышит, «человеком, который не спит». Три месяца назад магия у него начала таять. Если ты правда та, о ком говорит пророчество...

Она не закончила фразу.

Я села на скамью и попыталась осмыслить произошедшее. Утром я держала в руках отрез шелка в лавке. Сейчас нахожусь во дворце человека, чья магия тает, потому что кто-то когда-то проклял его. Логика подсказывала мне бояться. Логика подсказывала мне искать выход. А что-то другое продолжало держать в памяти тот момент, когда его пальцы коснулись моего запястья и знак под ключицей вспыхнул.

- Что мне теперь делать? - спросила я у Зейны, не совсем понимая зачем.

- Жить, - сказала она. - А дальше будет видно.

Мазь, принесенная Зейной, оказалась зеленой и охлаждающей. Когда Зейна нанесла ее на запястья, боль почти мгновенно исчезла - местная медицина явно превосходила мои представления об этом в фэнтезийных мирах. Пока она меня лечила, я обратила внимание, что резьба на ширмах повторяла узор, который я видела на той самой злополучной ткани в лавке - спираль без начала и конца, похожая на глаз без век.

- Этот узор, - сказала я, тронув пальцем ближайшую ширму. - Что он означает?

Зейна на секунду перестала растирать мазь.

- Спрашивать про узоры здесь не принято, - проговорила она. - Особенно теперь.

- Расскажи, что можно, - попросила я. - Про то, как здесь все устроено. Что мне полагается делать. Что под запретом.

Зейна взглянула на меня с одобрением, и села рядом на скамью.

- Умно, - сказала она. - Большинство первым делом плачет. Ты - спрашиваешь правила. Может, тебе и правда что-то предназначено.

По ее словам, здесь кормили, били редко и только за настоящую провинность, а главное - можно было выучиться грамоте. Зейна умела читать на трех языках, писать - на двух, и этим явно гордилась больше, чем своим положением во дворце.

- Многие завидуют, - призналась она. - Но поверь - это самое бесполезное занятие из всех возможных.

Вечер она провела, обучая меня как складывать руки при обращении к слугам, какие цвета одежды позволены наложнице, а какие - только женам, чего категорически не следует делать при визите визиря Дария, которого, боялись даже больше, чем самого Кассима.

- Он приходит редко, - сказала Зейна, понижая голос, будто стены могли на нее донести. - Но если придет - не смотри ему в глаза. Он это не переносит.

Я спросила про других женщин во дворце - сколько их, кто где живет. Как оказалось, последние годы султан почти никого не приближал к себе, покои наложниц стояли пустыми уже долго. Раньше гарем звенел голосами и музыкой каждый вечер. Теперь было тихо. Я слушала и запоминала.

Ложась спать - на постель, застеленную свежей, нежной тканью, я невольно поднесла руку к тому месту под ключицей, где чувствовался почти неосязаемый жар. Прикосновение собственных пальцев вызвало легкую дрожь. За окном, кто-то пел красиво и тягуче. Голос был женский. Это была колыбельная. Она убаюкивала меня.

Глава 4

Кассим

Знак из пророчества, на теле новой наложницы, откликался не только на меня. Так гласили старые тексты. Еще до того, как история о двух родах превратилась в благочестивую байку, встречалось упоминание второго отклика. Кого-то еще. Я решил, что переписчик ошибся.

Я отправился к новой наложнице. Предлог у меня был: рассказать хотя бы часть правды до того, как до нее доберется искаженная версия от слуг. Или хуже того - от Дария, который умел переиначить любую истину. Марина сидела у окна, читая книгу. Увидев меня, она отложила ее. Я внутренне отметил, как она хороша. Но сейчас моей целью было другое.

- Нам нужно поговорить.

Она указала на подушки. На столике стоял поднос с финиками и чем-то вроде орехового отвара. Я рассказал про два рода - Солнечных магов и Песчаных драконов, про женщину Лейлу Ясрин, чье предательство расколбло единое царство на два враждующих клана, про проклятие, что с тех пор медленно душит обе линии крови. Рассказал про знак, объявляющийся раз в несколько поколений на теле чужестранки, способной эту тяжесть с рода снять. Про второй отклик умолчал. Она внимательно слушала.

- Магия уходит быстрее, чем я успеваю это прятать от окружающих. Уйдет совсем - султанат останется без защиты, а я без права называться правителем.

- А если я не смогу помочь, - уточнила она. - Тогда как? И что тогда будет со мной?

Вопрос застал врасплох. Я явился с готовым набором объяснений про пророчество, про род, про долг, и ни разу до этой самой секунды не подумал о том, что будет, если старые свитки ошиблись.

- Останешься здесь, - ответил я. - Подтвердит это пророчество или нет.

Лицо у нее осталось непроницаемым, зато пальцы на краю столика сжались, выдав то, что лицо скрывать умело. Она молчала, и в этой паузе я успел пожалеть о том, что сказал слишком много. Потом протянула руку и коснулся ее пальцев своими.

- Что это, - спросила она, глядя на собственное запястье, где под кожей запульсировал слабый отсвет.

- Это значит, пророчество не лжет, - сказал я. - Это отклик на мою кровь.

Про то, что где-то за пределами дворца, возможно, существовал еще один, для которого этот знак значил бы ровно то же самое. Мои пальцы скользнули выше, по тонкой коже запястья, где бился пульс. Она не отстранилась. Тепло усилилось, будто отвечая на прикосновение.

- Если хочешь, чтоб я ушел - скажи, - произнес я тихо. - Сейчас. Пока я еще могу.

Она помолчала, глядя мне в глаза. Потом сама придвинулась, и расстояние между нами исчезло. Ее губы коснулись моих, пробуя мой язык, а потом сплелись, когда я ответил. Я чувствовал вкус фиников, которые она недавно ела, и что-то еще - неповторимое и притягивающее.

Ткань ее одежды шуршала под ладонью, когда я снимал ее. За окном уже сгущались сумерки, и в комнате оставался только золотистый свет магических светильников, лежащийся на ее кожу.

Я опустил ее на простыни, пахнущие сандалом и розами. Наклонился и коснулся губами ее кожи. Она тихо выдохнула.

- Кассим...

Я провел языком по изгибу груди, чувствуя, как сосок твердеет под губами, взял глубже, лаская медленно, круговыми движениями. Вторая рука скользнула ниже, к бедрам. Пальцы нашли мягкую теплоту между ног - уже влажную. Она вздрогнула, когда я коснулся ее там. Круговые движения, легкое давление, потом - один палец внутрь. Ее бедра дрогнули, колени раз-

двинулись. Я добавил второй палец, чувствуя, как она сжимается вокруг них, горячо и тесно. Большим пальцем продолжал ласкать вверх, в том месте, где она была особенно чувствительна.

Ее рука скользнула к моему поясу. Я скинул с себя все. Ее пальцы сомкнулись вокруг меня. Прикосновение было неуверенным. Я наклонился снова, поцеловал ее, пока пальцы внутри нее двигались в том же ритме, что и ее рука на мне.

Когда она тихо застонала мне в губы, я убрал пальцы, развел ее бедра шире. Медленно вошел. Жар охватил меня целиком. Знак под ее ключицей засветился ярче, свет перетекал в меня, будто магия, которую я почти потерял, вернулась полной силой.

Я начал двигаться. Глубоко, размеренно, как волны, набегающие на берег пустынного моря. Я хотел остаться внутри как можно дольше. Она отвечала, поднимая бедра навстречу, обхватывая меня ногами. Пот выступил на ее висках. Я целовал ее шею, покусывал мочку уха. Одна рука поддерживала ее бедро, вторая - гладила грудь, сжимая соски.

Ритм ускорялся. Я чувствовал, как дрожь проходит по ее телу. Ее дыхание стало прерывистым, почти всхлипывающим. Оргазм прошел через нее длинной, сотрясающей волной. Я чувствовал каждую пульсацию, каждую судорогу внутри, и это толкнуло меня за край. На несколько мгновений мир сузился до тепла ее тела, до света знака. Я не выходил сразу. Оставался внутри, чувствуя, как она медленно расслабляется вокруг меня.

Из ее покоев я вышел ближе к утру. За стеной дворца начиналась пустыня, тянувшаяся до самого горизонта. Где-то там, если свитки не лгали, жил род, чью кровь моя семья привыкла считать врагом с колыбели.

Глава 5

Кассим

Комнаты для омовения должны были быть готовы для новой избранницы. Вода - с лепестками шафрана. Кальфа поклонилась и сразу принялась раздавать поручения своим девушкам. При отце моем гарем звенел без остановки - музыка, ссоры за право на внимание, смех, слышимый даже из моих покоев через два этажа. За последние месяцы туда никто, кроме служанок с уборкой, не заходил. Я убеждал себя, что причина в делах государства. Отчасти это было правдой.

Я пришел раньше, чем требовалось, и наблюдал, как женщины готовят Марину. Потому что ждать в собственных покоях оказалось попросту выше моих сил. Банщицы окружили ее, стали раздевать. Она стояла посреди этого неподвижно.

Вода, куда ее усадили, разошлась золотистыми пятнами от шафрановых лепестков. Банщицы натирали ей плечи, смывали пену, наносили масла. Одна из младших служанок что-то сказала ей вполголоса, и Марина рассмеялась. Этот смех был случайным, и от того запомнился мне сильнее, чем весь остальной вечер.

Когда банщицы разошлись, я приблизился к чану. Пар над водой поднимался неровными завитками.

- Ты боишься меня меньше, чем должна бы, - проговорил я, опускаясь на край купальни.

- А должна? - спросила она.

- По всем правилам этого мира - да. Ты в моей власти полностью. Ни один совет, ни один закон не спросит меня, что я с тобой сделаю.

- И что ты со мной сделаешь? - уточнила она.

Правители моего рода веками решали подобное без раздумий - брали то, что им причиталось по праву купли, и вопросов не задавали.

- Только того, что захочу от тебя. А хочу я многого.

Я коснулся ее пальцев, и знак под ее ключицей вспыхнул светом, который не гас, а разгорался тем сильнее, чем меньше расстояния оставалось между нами. Она не отняла руку. Я перебрался с края купальни на скамью рядом с водой. Теперь я видел тонкую линию света, идущую от ключицы к самому сердцу.

- Оно со всеми так делает, - спросила она, глядя на собственную кожу с интересом. - Или только с тобой?

- Не знаю, - признался я. - Ты первая, на ком я это вижу.

Она подняла на меня глаза.

- Расскажи мне про себя, - сказала она вдруг. - Не про пророчество. Про себя самого.

Вопрос застал меня врасплох. Я поймал себя на том, что не помню, когда в последний раз кто-либо спрашивал меня о чем-то, не связанном с делами правления. Придворные интересовались решениями, советники - указами, мать - тем, достаточно ли я ем и сплю.

- Я не привык отвечать на такие вопросы, - признался я.

- Так попробуй, - предложила она с легкой улыбкой.

Я рассказал ей то, чего не рассказывал даже матери: как в детстве боялся собственной магии, потому что она просыпалась в самые неподходящие моменты. О том, как отец наказывал меня не за проступки, а за недостаточный контроль над своими эмоциями. Как научился прятать чувства.

Она потянулась и коснулась моей руки - не как утешая, а как человек человеку, без всякой поправки на разницу в положении между нами. От этого прикосновения знак вспыхнул ярче

прежнего. На этот раз я почувствовал, как сквозь ее пальцы в меня начинает перетекать тепло, будто она делилась со мной пламенем, что горело под ее кожей.

Она сама подалась вперед, преодолев оставшееся между нами расстояние. Я коснулся ее щеки ладонью. Она закрыла глаза от этого прикосновения. Тогда я поцеловал ее. Горячо и страстно. Она ответила так, будто давно ждала этого момента. С каждой секундой я чувствовал, как магия внутри меня оживает. Желание к женщине переплеталось с самим смыслом моего существования настолько тесно, что я не мог отличить одно от другого.

Я поднял ее из воды, заставляя себя не торопиться, хотя каждая клетка тела требовала обратного, и понес на ложе, приготовленное именно для подобного.

В ее взгляде горело неприкрытое желание. Кожа была еще теплой от воды и от того, что происходило между нами. Я провел ладонью по внутренней стороне ее бедра, чувствуя, как мышцы чуть напрягаются под пальцами. Она не закрылась. Наоборот - раздвинула колени, и это молчаливое приглашение возбудило сильнее любого слова.

Я наклонился и коснулся губами места чуть ниже пупка. Она вздрогнула, пальцы вцепились в покрывало. Проследовал ниже, по мягкой линии, где живот переходит в пах. Она чуть подалась навстречу. Когда язык коснулся ее между складок, она тихо выдохнула. Я чувствовал ее вкус. Гладил языком. Когда нашел нужное место, задержался там, лаская круговыми движениями, то сильнее, то едва касаясь. Рука скользнула под бедро, поднимая его чуть выше, открывая ее полностью. Ее бедра задрожали. Я не останавливался. Когда она начала сжиматься, я добавил палец, чувствуя, как она принимает его, горячая и уже готовая. Потом второй. Двигал ими в том же ритме, что и языком. Я довел ее до пика, продолжая ласкать, пока дрожь не стала слабее. Только тогда поднялся над ней. Ее ладонь сомкнулась вокруг меня. Пальцы скользили вверх-вниз, даря мне наслаждение и приближая к концу. Я перехватил запястье и вошел до конца, чувствуя, как она пульсирует вокруг меня, как знак на ее груди вспыхивает ярче с каждым моим толчком. Моя рука скользнула между нами, нашла то самое место, и я принялся ласкать ее пальцами в такт толчкам. Она стонала не сдерживаясь.

Ритм менялся. Я то почти останавливался, входя совсем глубоко и оставаясь так, пока она не начинала нетерпеливо двигать бедрами, то ускорялся, сохраняя ощущение наполненности, которое она давала. Магия внутри меня разгоралась. Когда она забилась в оргазме во второй раз, я не смог больше сдерживаться. На несколько секунд мир сузился до ее запаха, до ее кожи, до того, как она дрожит подо мной.

Знак под ключицей все еще светился, но не так ярко. Я провел по нему пальцем и почувствовал, как тепло снова перетекает между нами - уже не вспышкой, а спокойным, долгим течением.

- Тебе хорошо? - спросила она.

- Да, - ответил я. - И не хочу, чтобы это заканчивалось.

Во дворце меня уже искали, совет собирался с утра. Но все это казалось мне совершенно неважным по сравнению с тем, что происходило прямо сейчас. Я думал только о том, как ее волосы рассыпались по моей груди, о весе ее тела, прижавшегося к моему, о том, что впервые за много лет мне не хотелось никуда торопиться.

Глава 6

Марина

Утром Зейна принесла мне поднос с лепешками и медом и застала меня уже одетой.

- Хочу пройтись, - сказала я.

Она кивнула.

- Библиотека закрыта для всех, кроме самого Кассима и старика-хранителя. Остальное - гуляй сколько влезет, только вернись к обеду.

Я прогуливалась по восточному крылу. Арки чередовались с нишами, в которых стояли вазы или статуэтки. Я остановилась у одной из них и провела пальцем по краю вазы, отмечая технику обжига, происхождение – во мне заговорила профессия реставратора. Пошла дальше, разглядывая все подряд с жадностью, как смотрят на музей.

Дальше по коридору начинались фрески - что-то среднее между росписью и мозаикой, крошечные плитки лазурита и охры, сложенные в сюжеты. Я шла вдоль стены читая их как книгу: караваны в песках, битвы, красивые мужчины и обнаженные женщины.

И вдруг – спираль. Та же самая, что была вышита на ткани. Только на фреске, рядом с ней, шла вторая фигура, чешуйчатая, с крыльями, сложенными вдоль тела. Дракон. Я присела на корточки, забыв про обещание вернуться к обеду. Под изображением дракона сохранилась полустертая надпись - буквы смогла разобрать, благодаря странному дару понимания местного языка. «...род песка... второе пламя... Песчаные драконы... не разделить...»

За спиной послышались шаги. Обернувшись, я увидела молодую служанку. Она замерла, поняв, что я рассматриваю. Лицо у нее вытянулось, будто она застала меня за чем-то запретным.

- Госпожа, - сказала она тихо, оглядываясь по сторонам. - Сюда лучше не ходить. Особенно вам.

- Почему особенно мне, - спросила я, поднимаясь.

Служанка замялась, не решаясь пояснить.

- Это старая фреска, - произнесла она наконец. - Изображает два рода вместе. Такие росписи когда-то были повсюду, но их закрашивали начиная с прадеда нашего повелителя. Эта уцелела случайно, за нишей с вазами ее не заметили.

- Кто такие Песчаные драконы, - спросила я напрямую.

Служанка снова оглянулась, потом решила, что уже все равно начала говорить.

- Второй род. Тот, что откололся от нашего после предательства Лейлы Ясрин. Живут в пустыне, не признают власть дворца, промышляют набегами на караваны. Их вождя называют повелителем песков, хотя формально титула у него никакого нет - просто сила такая, что никто не решается оспорить.

- И знак, - приподняла я бровь. - Он как-то связан с ними?

- Об этом вам лучше спросить самого повелителя, - быстро проговорила служанка и торопливо пошла прочь по коридору.

Дальше я ходила и искала что-то необычное в рисунках. Нашла, еще один полустертый барельеф, изображавший то же переплетение спирали и дракона. На нем были видны две человеческие фигуры, мужская и женская, взявшиеся за руки, а над ними третья фигура, мужская же, с раскинутыми в стороны руками. Три фигуры. Не две. Я заметила еще одну деталь - у женской фигуры на запястье что горела та же метка, что и на моем теле, только здесь она была изображена расколотой надвое.

Снова раздали шаги - на этот раз тяжелые, мужские. Обернувшись, я увидела стражника. Тот остановился в некотором отдалении.

- Госпожа, - произнес он. - Время обеда. Кальфа беспокоится.

Я кивнула, бросив последний взгляд на три переплетенные фигуры над дверью, и пошла обратно. Знак на моей ключице, судя по стертой надписи под изображением дракона, готовил мне встречу с кем-то еще. Зейна заметила мое состояние.

- Что-то увидела странное? – поинтересовалась она.

Я рассказала ей про фреску, про барельеф с тремя фигурами. Зейна выслушала не перебивая.

- Три фигуры, - повторила она. - Я слышала про эту легенду. Считалось, что все подобные росписи давно уничтожены.

- Расскажи мне, - попросила я.

Зейна покачала головой.

- Не могу. Спроси повелителя вечером. Если он решит, что тебе пора знать - расскажет сам. Если нет - значит, у него есть на то причины, и мне лучше в это не соваться.

Глава 7

Кассим

Вечерами кальфа устраивала представление. Для всех, кто имел право находиться в этом крыле. Зал украшали гирлянды живых цветов, ковры в несколько слоев, светильники в форме полумесяцев на цепочках разной длины. Девушек вывели восьмерых, в полупрозрачных одеждах, с браслетами на щиколотках, звеневшими в такт. Марина находилась среди них. Двигалась она неуверенно, отставая от заученных движений соседок. Именно это несовершенство притягивало взгляд сильнее, чем отточенная грация остальных.

Гости переговаривались вполголоса, обсуждая новую избранницу. Все мое внимание сузилось до одной фигуры: движение бедер, соскользнувшая на мгновение ткань на плече, взгляд, который она однажды задержала на мне. Знак под ее ключицей скрывала одежда. Ревность к взглядам, которые бросали на нее другие мужчины, поднималась волнами. Я поймал себя на том, что сжимаю чашу крепче, чем нужно для простого удержания сосуда.

Когда танец закончился, кальфа поднесла мне поднос с шелковым платком - знаком, которым правитель отмечал избранницу вечера перед двором. Я взял его и, минуя всех, подошел к Марине. По залу прошел легкий гул. Она приняла платок из моих рук.

- Опять я, - прошептала она.

- Опять ты, - согласился я. - Тебе стоит к этому привыкнуть.

Она чуть улыбнулась краем губ.

Моя спальня ждала ее уже готовой. Я застал ее в соблазняющем одеянии, с распущенными волосами. Услышав мои шаги, она обернулась.

- Ты танцевала не плохо, - сказал я, подойдя к ней.

- Я повторяла движения соседки, - поправила она. - Разница есть, и ты ее видел.

- Видел, - согласился я. - И видел еще кое-что. Как ты смотрела на меня.

Она встретила мой взгляд. Знакомое тепло начало разгораться под кожей в ответ на близость. Я коснулся ее щеки, провел пальцами вниз, по шее. Она закрыла глаза, откинула голову назад, и дыхание сбилось на середине вдоха. Платье соскользнуло с плеч. Я вел губами по обнажившейся коже. Каждый ее звук отзывался желанием более сильным, чем простое обладание.

Я положил ее на край кровати и сам опустился на колени перед ней. Свет от знака ложился на ее грудь, на живот, на внутреннюю сторону бедер. Я проследил этот свет пальцами. Она подалась вперед, и я провел по влажной складке - медленно, сверху вниз. Она выдохнула сквозь зубы и развела колени. Я вошел в нее сбоку. Так глубина ощущалась сильнее. Я чувствовал, как она сжимается вокруг меня в ответ.

Ее нога легла мне на бедро, подталкивая глубже. Я нашел нужную точку и начал кружить пальцем в том же медленном ритме, в каком двигался внутри. Я не ускорялся. Просто держал этот почти ленивый темп, пока ее дыхание не стало совсем рваным. Когда внутренние мышцы запульсировали вокруг меня сильными толчками, - я продолжал двигаться сквозь это. Тогда я перевернул ее на живот. Она поднялась на локти, прогнулась в пояснице, и я вошел снова. С этой стороны все ощущалось иначе: плотнее, горячее. Я обхватил ее за талию, притянул ближе и начал двигаться длинными, сильными толчками. Магия внутри отозвалась приливом. Мы двигались вместе, ловя общий ритм. Свет между нами разгорался и утихал волнами, будто сама магия рода вплеталась в это единение равноправным участником. Когда она начала сжиматься снова, я не сдерживался. Чувствовал, как ее сердце колотится под моей ладонью, как она все еще чуть пульсирует вокруг меня. Когда все закончилось, она лежала, положив голову мне на грудь.

- Каждый раз она светится все ярче, - заметила она.

- Каждый раз, - согласился я. - И это пугает меня. Магия рода не должна расти от простой близости.

Она теснее прижалась. Во мне росло предчувствие, что цена спасения рода окажется сложнее, чем я предполагал.

Глава 8

Раад

Дворец султана я знал. Готовясь к предстоящему, отправлял людей на разведку под видом торговцев, конюхов. Даже послал одного заклинателя змей, который за две недели очаровал половину кухарок и вынес план всех переходов восточного крыла.

Два рода делили одно небо, пока женщина по имени Лейла не выбрала одного, обрекая всех на медленное умирание. Я не предполагал, что сам окажусь героем той же сказки. Но я собирался переписать ее конец. Хамид ждал меня с веревкой и крюком под плащом.

- Стража удвоена, - сказал он тихо, кивая в сторону дальней башни. - Султан нервничает.

Если султан удвоил охрану сразу после того, как знак объявился на новой избраннице, значит, легенда о втором отклике добралась и до него.

Годы набегов на караваны научили меня находить слабые места. Я быстро проник во дворец. Планы не соврали ни в одной детали. Третья дверь от угла, решетчатое окно во внутренний дворик. Там избранница проводила почти все свободное время. Я остановился перед дверью и прислушался - тишина. Хамид у меня за спиной следил за стражниками в конце коридора. Они не заметили нас. Оба смотрели в другую сторону. Я толкнул дверь.

Девушка спала, укрывшись легкой тканью. Я застыл на пороге. Хамид нетерпеливо переступил с ноги на ногу, напоминая, что надо торопиться.

Знак на ее ключице был виден даже отсюда. Я шагнул, и она начала разгораться, будто почувствовала меня. Внутри у меня отозвалось жаром.

В этот момент она проснулась. Ее глаза распахнулись, рот открылся для крика - я закрыл его ладонью раньше, чем звук успел выйти.

- Тихо, - прошептал я. - Закричишь - придется убивать, а я бы предпочел обойтись без этого.

Она замерла. Чуть кивнула. Я убрал ладонь от ее рта.

- Кто ты, - спросила она.

- Тот, о ком твой Кассим предпочел не рассказывать, - ответил я и перекинул ее через плечо. - Повелитель песков. Раад – мое имя.

Мы вынесли ее тем же путем, каким вошли: через окно, вниз по стене, мимо стражи, так и не заметившей ничего. Знак на ее ключице разгорался. С каждым шагом я все яснее понимал: то, что происходит между нами, больше похоже на магическую связь, чем на похищение. У стены нас ждали кони, привязанные в тени финиковых пальм. Я усадил ее перед собой в седло.

- Не бойся, - произнес я, направляя коня к пустыне. – Я не сделаю тебе ничего плохого.

- Я и не боюсь, - смело ответила она.

Я усмехнулся против воли. Давно никто не отвечал мне таким тоном - тем более женщина, которую я только что вынес из дворца через окно. Хамид за спиной хмыкнул тоже. Ближе к границе клановых земель она заговорила.

- Захир будет искать.

- Будет, - согласился я. - И найдет. Вопрос когда.

Она промолчала, но я почувствовал, как плечи под моей рукой напряглись. Похоже, она представляла, что случится, когда два мужчины окажутся лицом к лицу. Я знал это. Кассим не отступит. Но и я тоже. Меня волновал лишь один вопрос - что делать, если цена спасения - не победа одного мужчины над другим, а нечто, для чего в языке моего народа попросту не было названия.

Лагерь встретил нас гулом голосов и лаем собак, привязанных у крайних шатров. Мои люди не спали. Я спешился, снял Марину с седла, и повел ее к своему шатру. Женщина по

имени Сафии, отвечавшая за все обряды и снадобья, вышла навстречу, оттеснив плечом моих воинов. Она не сказала ни слова, и рассмотрела знак на Марине.

- Знак настоящий, - произнесла она.

Хамид отправился ставить дозор. Он понимал, что Кассим быстро найдет след.

Внутри шатра я усадил Марину у костра. Впервые получил возможность рассмотреть ее как следует. Она выглядела уставшей и нежной.

- Ты обещал рассказать про два рода, - проговорила она.

- Обещал, - подтвердил я. - Когда-то два наших рода были одним, - начал я. - Солнечные маги правили из дворца, Песчаные драконы охраняли границы и торговые пути, и никакого раскола между нами не существовало. Женщина по имени Лейла Ясрин стояла у истоков обеих линий крови. Она была наполовину магом, наполовину драконом. И она имела связь с двумя - правителем магов и вождем драконов, братьев по крови. Оба любили ее. Какое-то время все трое жили в согласии.

- Что случилось потом, - спросила она.

- Потом братья рассорились из-за власти, - сказал я. - Правитель магов решил, что делить трон с драконьим родом унижительно. Потребовал от Лейлы выбрать одного мужчину и один род. Она отказалась. Тогда правитель магов проклял ее и брата- наложив кару на кровь, идущую от них, вплоть до самого последнего потомка.

- Проклятие исходило от магов, - переспросила Марина. - Не от Лейлы?

- Не от нее, - подтвердил я. - Летописцы переписали историю сделав виноватой Лейлу. Мой народ помнит правду - у нас есть песни, которые передают ее из уст в уста.

- Проклятие можно снять? - спросила она.

- Возможно, - кивнул я. - Единственный путь к спасению - научиться жить с теми, кто это проклятие наложил.

- А ты хочешь мести?

Я вырос на историях о предательстве Кассимова рода, впитал ненависть к дворцу магов с молоком матери. Все эти годы, я ни разу всерьез не спрашивал себя, чего хочу на самом деле.

- Хочу, чтобы проклятие закончилось, - сказал я. - Но способ этого достичь мне неизвестен на самом деле. Я могу только предполагать.

- А если способ закончить проклятие означает, что тебе придется делить меня с ним, - спросила она напрямую.

- Не знаю, - сказал я. - Я забрал тебя не ради мести Кассиму и не ради спасения от проклятия. Забрал, потому что твой знак вспыхнул при виде меня так же, как вспыхивал при виде на Кассима.

Марина отвела взгляд к костру. Она обдумывала услышанное, взвешивая правду двух мужчин, каждый из которых теперь считал ее своей по праву древней крови.

- Расскажи мне про саму Лейлу, - попросила она после.

Просьба удивила меня - большинство людей, узнав историю проклятия, спрашивали о войне, а не о женщине, ставшей случайной причиной многовековой вражды.

- Песни называют ее упрямой, - усмехнулся я. - Говорят, она умела говорить с песком так же легко, как говорила с людьми, и что драконы клана слушались ее голоса охотнее, чем голоса собственного вождя. Еще говорят, что она громко смеялась, не так как положено вести себя женщинам. За этот смех прадед Кассима невзлюбил ее задолго до всей этой истории.

- Она мне нравится, - заметила Марина.

- А знаешь - мне тоже, - признался я.

Глава 9

Марина

Утром лагерь просыпался еще до того, как небо успевало посветлеть. Снаружи уже слышались голоса, звон металла, ржание лошадей. Раад спал у входа в шатер, не рядом со мной. Полог шатра был закрыт неплотно, и сквозь щель я разглядывала лагерь. Тихо вошла Сафие. Она принесла мне одежду удобную для верховой езды. Помогла мне одеться, поглядывая на знак на моей груди.

- Ты не боишься его? - прошептала она, кивнув в сторону спящего Раада.

- Боюсь, - ответила я честно. - Но страх и покорность - разные вещи.

Сафие согласно кивнула и чуть улыбнулась.

Раад проснулся ближе к полудню. Первым делом умывшись он сел рядом со мной у принесенного ранее блюда с пловом.

- Не пытаешься сбежать, - заметил он.

- А смысл, - ответила я. - Мне не найти дорогу назад, даже если бы очень захотела.

Он усмехнулся.

- Умная, - произнес он. - Кассим, наверное, тоже это в тебе оценил.

- Оценил, - согласилась я. - Хотя у вас двоих, разное представление об этом.

Он не ответил, вместо этого протянул мне кусок лепешки с чем-то вроде козьего сыра, и я взяла, хотя есть не особенно хотелось.

- Что ты намерен со мной делать, - спросила я напрямую, решив не тратить время на обходные маневры.

- Ничего, чего ты не захочешь, - ответил он, вызвав у меня смех.

- Вы оба произносите одну и ту же фразу, - сказала я. - Занятно, учитывая, как далеко вы друг от друга.

- Может, потому что оба хотим одного и того же, - заметил он. Остаток дня он показывал мне лагерь - как гостье, которую знакомят с новым домом. Женщины клана занимались выделкой кож, дети учились стрельбе из маленьких луков под присмотром пожилого воина с одним глазом, кто-то чинил упряжь, кто-то варил похлебку в огромном закопченном котле.

- У вас нет гарема, - заметила я, разглядывая, как свободно держатся местные женщины, разговаривая с мужчинами без всякой робости, свойственной прислуге дворца.

- У нас нет надобности в гареме, - ответил Раад. - Женщина клана сама выбирает мужчину, а не наоборот. Так повелось задолго до раскола, и мы не видим причин это менять.

Эта деталь зацепила меня - два рода, произошедшие от одной женщины, разошлись не только в магии и территории, но и в самом устройстве жизни.

Вечером, Раад отвел меня чуть в сторону от шатров, туда, где начинались первые дюны, и мы сели на песок, еще теплый после дневного солнца.

- Ты злишься на меня, - спросил он, разглядывая мой профиль.

- Не так сильно, как должна бы, - покачала я головой. - Наверное, потому что, как ни странно, здесь я чувствую себя гораздо свободнее, чем во дворце. Ты ни разу не заставил делать то, чего я не хочу.

- Заставлю, если понадобится, - проговорил Раад. - Я не Кассим, чтобы притворяться. Но пока предпочитаю, чтобы ты сама решила довериться мне.

Я посмотрела на резкие черты его лица, освещенные отблесками дальних костров, на серебристые пряди волос, выбившиеся из-под простого шнура, стягивавшего их на затылке.

- Тогда докажи, что тебе можно доверять, - сказала я.

Раад молчал, глядя куда-то за линию дюн, туда, где темнота уже полностью поглотила горизонт, а затем повернулся ко мне.

- Хорошо, - сказал он. - Слушай.

Он принялся рассказывать о себе самом, о том, как стал вождем в семнадцать лет, после того как отца убили. Рассказал, что первые годы правления держал только на страхе, потому что опыта власти за плечами еще не имел. А потом страх постепенно превратился в уважение, заслуженное победами и верными решениями. Я слушала, не перебивая, и впервые увидела в нем не вождя клана, не похитителя, а просто человека, которому пришлось повзрослеть слишком быстро.

- Спасибо, что поделился, - проговорила я.

- Не благодари, - ответил он. – Но знай, таким делятся, только если решили, что можно доверять.

Глава 10

Раад

После разговора у дюн мы вернулись в лагерь. Она вперед, я шел на несколько шагов позади, наблюдая, как отблески дальних костров ложатся на ее кожу. Весь остаток вечера я ловил себя на том, что слежу за каждым ее движением. Хамид перехватил меня у входа, коротко доложил обстановку. Разведчики докладывали только о повышенной активности стражи у стен дворца. Закончив доклад, он посмотрел на меня с прищуром.

- Что, - спросил я, не выдержав.

- Ничего, - ответил Хамид, пряча усмешку неудачно. - Просто никогда не видел тебя таким.

Я отпустил его коротким кивком, не желая развивать тему, и вошел в шатер, где находилась Марина.

- Расскажи мне про свой мир, - произнес я, присаживаясь рядом с ней.

Она подняла на меня удивленный взгляд, но начала описывать свое прошлое. Ее мир, каким бы чужим ни казался, странным образом рифмовался с моим собственным - мы жили среди людей, ценящих ремесло и труд выше пустых титулов, оба привыкли добывать уважение делом, а не происхождением.

- Твой мир мне нравится, - признался я.

- Мне мой мир тоже нравился больше, чем этот, - ответила она с грустной усмешкой.

Я коснулся ее щеки. Она подалась навстречу моему прикосновению, а не отстранилась. Знак между нами разгорался с каждым мгновением ярче. Я опустил руку между бедер, развел их, и провел языком по ее влажной плоти. Ее колени дрогнули. Я не спешил. Находил то место, где она сильнее всего вздыхала, и задерживался там. Добавил пальцы, двигая ими в том же ритме, что и языком.

Когда я вошел в нее, знак вспыхнул так ярко, что осветил весь шатер. Я почувствовал, как магия во мне откликается мощной волной силы, куда более ощутимой, чем то, что я испытывал во время обращения в дракона. Мы двигались вместе, находя ритм. С каждым движением свет между нами разгорался и утихал. Я забыл на время про Кассима, про пророчество, про войну, которая, возможно, ждала нас впереди, и позволил себе просто чувствовать. Когда все закончилось, она осталась лежать рядом, положив голову мне на грудь, знак под ее ключицей угас до едва заметного теплого свечения.

- Это было по-другому. Не так как с Кассимом. - призналась она.

- Знаю, - ответил я, обнимая ее крепче, - я не отпущу тебя к нему без боя.

- А если пророчество потребует не боя, - посмотрела она на меня. - Если снять проклятие можно только вместе?

Я молчал, глядя на огонь, уже почти прогоревший до углей, красноватых, редко вспыхивающих последними искрами.

- Не знаю, способен ли я на это, если честно, - признался я.

Дозорный ворвался в шатер незадолго до рассвета, задыхаясь так, будто бежал всю дорогу.

- Отряд с юга, - выпалил он. - Флаги дворца. Не больше двадцати всадников, идут не строем для набега - переговоров ради, судя по белому полотну впереди колонны.

Марина проснулась от его голоса, резко села. Она догадалась, кто возглавляет отряд, раньше, чем я успел произнести имя.

- Кассим, - проговорила она.

- Кассим, - подтвердил я, поднимаясь и потянувшись за одеждой. - Быстрее, чем я рассчитывал.

Хамид уже ждал снаружи, полностью одетый, с мечом на поясе, с тем спокойствием на лице, каким он всегда встречал угрозу.

- Строить людей, - распорядился я.

К тому времени, как отряд Кассима достиг лагеря, мои воины успели выстроиться широким полукругом для демонстрации силы. Кассим ехал впереди своих людей на белом коне, в золотых доспехах. Он спешился, и пошел ко мне. Мы встретились на полпути между отрядами.

- Раад, - сказал он первым.

- Кассим, - ответил я в тон.

- Ты забрал то, что принадлежит моему дому.

- Она не вещь, - возразил я. - Она человек, который сам выбирает, с кем оставаться. И я не заметил, чтобы твой выбор она сделала добровольно.

- Ты похитил ее из моих покоев среди ночи, - парировал Кассим. - Это ты называешь свободой выбора?

- Я называю это восстановлением равновесия, - я шагнул ближе. - Знак откликнулся на меня так же, как на тебя. Ты знал это.

- И что ты предлагаешь, - спросил он. - Разделить ее, как делят добычу после набега? Ты понимаешь, что это противоречит всему, чему меня учили?

- Меня тоже учили другому, - ответил я жестко. - Учили, что твой род отнял у моего половину территорий, половину достоинства и всю магию, какой мы могли бы обладать, если бы не проклятие твоего прадеда. Так что не рассказывай мне о том, чему тебя учили, будто это дает больше прав, чем мне.

Кассим отступил на полшага.

- Я не просил проклятия, - проговорил он. - Не просил пророчества, которое привело меня к женщине. Все, чего я хочу, - сохранить хоть что-то в жизни, которая рушится вокруг меня уже несколько месяцев.

Эта честность застала меня врасплох.

- Она не то, за что стоит хвататься, Кассим, - сказал я. - Она человек с собственной волей. Чем дольше мы делаем вид, что решаем судьбу без ее участия, тем сильнее отталкиваем саму женщину.

- Приведи ее, - сказал он наконец. - Пусть скажет сама, чего хочет. Если попросит вернуть ее во дворец - не станешь удерживать силой?

- Не стану, - пообещал я. - А ты? Если попросит остаться здесь?

- Не буду, - сказал он. - Хотя это самое трудное решение за все годы правления.

Марину привели из моего шатра. Взгляд Кассима метнулся к ней.

- Подойди, - сказал он властно.

Она не сдвинулась с места. Это неповиновение будто ударило его. Один из его стражников, дернулся вперед, чтобы толкнуть Марину. В тот же миг двое моих воинов у меня за спиной обнажили клинки, готовые встретить любое движение с той стороны кровью.

- Стоять, - рявкнул я своим, и почти одновременно услышал, как Кассим бросил то же самое своему человеку, резко, зло, явно раздосадованный, что подчиненный едва не сорвал ему переговоры собственной вспыльчивостью. Одного неверного движения, одного случайного крика хватило бы, чтобы это место превратилась в поле боя.

Марина молчала, наблюдая за нами. Она не вмешивалась в это противостояние.

- Она останется в лагере до захода солнца, - сказал я Кассиму. - Хочешь получить ее обратно - возвращайся с нормальным предложением.

Кассим молчал, взвешивая, судя по всему, стоит ли рисковать открытым столкновением прямо сейчас, когда его отряд вдвое меньше моего, или отступить.

- Я вернусь не один - с достаточным числом людей, чтобы следующий разговор проходил на равных условиях, а не на твоих.

- Возвращайся с кем угодно, - ответил я. - Пока она сама не решит, куда хочет идти, ни ты, ни я не заберем ее силой без боя.

Кассим коротко кивнул в знак того, что откладывает бой, а не отменяет его. Он развернулся и вернулся к своему коню.

Когда его отряд скрылся, я повернулся к Марине.

- Это плохо кончится, - сказала она тихо, глядя туда, где скрылся его отряд.

- Может, - согласился я, не видя смысла лгать ей о серьезности положения. - Но я не отдам тебя ему просто потому, что он считает себя вправе приказывать.

За нашими спинами Хамид раздавал приказы удвоить дозоры на подступах к лагерю - потому что перемирие, было не концом вражды, а лишь коротким промежутком перед бурей.

Глава 11

Марина

День тянулся так, будто время в пустыне решило поиздеваться надо мной. С рассвета до заката проходила целая вечность. Лагерь Раада готовился к нападению. Хамид расставлял людей вдоль ближних дюн. Кто-то точ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.